

Владимир Филиппов
СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

К 70-летию со Дня Великой Победы

Рассказы и стихи

Parroslab Group © 2015
All Rights Reserved

Издание: 3G79SJ567DZ5783B-pdf.

Parroslab Group © 2015
All Rights Reserved

Оглавление

ОТ АВТОРА	2
СТЕПАНЫЧ	3
МАКСИМКА	17
ЗА МГНОВЕНЬЕ ДО...	21
И заиграли Вальс гитары	24
Белый снег	25
Их было восемнадцать	26
Небо расколосось от удара.....	27
В глазах огонь, и ужас, и сомненье.....	27
Ханко	28
Вечный огонь	29
Как-то вечером гитару взял.....	30
Пылали годы... ..	30
Война... ..	31
Опять разрывы нам сердца буравят.....	32

ОТ АВТОРА

Сегодня, в год 70-летия Великой Победы над фашизмом, когда политики многих стран пытаются навязать своим гражданам превратное мнение о Второй мировой и Великой Отечественной войне с пересмотром её итогов, особенно важно выразить своё отношение к этой Победе.

Я выражаю это отношение короткой фразой – Я ПОМНЮ. И никак иначе. Официальная статистика утверждает, что Великая Отечественная война унесла жизни 27 миллионов моих соотечественников, из которых более 20 миллионов – это гражданское население. Такой ценой далась нам эта Победа. И пусть она станет молчаливым укором тем, кто пытается строить свою философию на претензиях к нашему народу, понёсшему самые тяжёлые потери в этой войне. И эта книга рассказов и стихов о войне лишь крохотная дань трагической Победе.

СТЕЦАНЫЧ

Огонь под ударами гимнастёрки мечется из стороны в сторону, и прижимается к земле. Он словно прячется от ударов, выпускает едкий дым, который сбивает дыхание, застилает глаза, забивается в нос и горло.

- Хлеб горит, хлеб... - почерневшие губы твердят эти слова с какой-то нечеловеческой настойчивостью.

Гимнастёрка снова и снова взлетает над головой, чтобы неуклонно опуститься на оживающие языки пламени... Дым... Он обволакивает даже сознание... Сейчас бы остановиться, чуток свежего воздуха глотнуть... Хотя бы капельку свежего воздуха... Гимнастёрка, испуганно хлестнула по огню, и безжизненно повисла в обессиленных руках солдата. Но в висках с новой силой застучало:

- Хлеб горит, хлеб... - и она снова заметалась над огнём.

* * *

Колёса громыхают на стыках. Поезд мчится, оставляет позади себя поля, перелески, перескакивает через речушки и овражки, и переваливается через холмы. В вагонных окнах мимо пролетает всё то, что составляет живописную природу центрального нечерноземья. Перестук колёс стал для пассажиров неотъемлемой частью их путешествия, смешался с образом мыслей, настроил на определённый ритм, которому трудно не подчиниться.

Фёдор Иванович Земсков – путешественник со стажем. Он привык к бесконечному «разговору» колёс, калейдоскопу лиц и судеб, к той откровенности, которая обычно возникает между незнакомыми людьми в пространстве, ограниченном перегородками купе. Вот и сейчас, его соседи ведут неторопливо-непринуждённый разговор, то и дело перескакивают с одной темы на другую, лишь бы убить время, порой иронизируют, но не отрицают некоторых спорных вопросов. Фёдор Иванович поднялся, накинул пиджак на плечи, и протиснулся к выходу из купе. Он прошёл в тамбур, неспешно прикурил сигарету, глубоко затянулся, и безотчётно глянул на пролетающий мимо

ландшафт. Что-то знакомое почудилось Федору Ивановичу в законном пейзаже. Впрочем, столько похожих мест вокруг. Конечно, почудилось. А может, и не почудилось? Он повернулся к проходившей мимо проводнице, и спросил:

- Извини, дочка, какая станция сейчас будет?

Проводница приостановилась, скользнула по Земскову отсутствующим мимолётным взглядом из-под тоненьких стрелочек-бровей, и пожала плечами:

- То ли Алёхино, то ли Алёшино...

Федор Иванович поблагодарил её, задумчиво затянулся сигаретой, и припомнил. Да-да, конечно, он не ошибся. Памятные места. Только станция называется не Алёхино, и не Алёшино, а Алексино. Точно, Алексино. И тогда, в годы войны, она, именно, так и называлась.

* * *

Эшелон дожидался отправки на небольшой станции, которая называлась Алексино. Название станции с трудом просматривалось на обшарпанной вывеске над центральным входом деревянного вокзала. Близость фронта чувствовалась по многим признакам. И по отдалённому гулу артиллерийской канонады, который доносился с порывами ветра, и по напряжённо-озабоченным лицам зенитного расчёта, нашедшего укрытие в пристанционном садике, и по необычному оживлению, царившему на перроне. Вдоль вагонов беспорядочно бегали солдаты. Кто-то искал свои подразделения, а кого-то несло по каким-то другим неотложным делам. Повсюду, насколько хватал взгляд, виднелись одни воинские гимнастёрки. Небольшими кучками по шесть-десять человек солдаты сидели тесно притулившись друг к другу на бревнах, колодах и просто на пожухлой, спалённой жарким августовским солнцем, и покрытой дорожной пылью траве.

С любопытством новичка, Фёдор разглядывал умудрённых боевым опытом, успевших понюхать пороха, бойцов. Их легко было узнать по выцветшим, потёртым гимнастёркам, прокопчённым лицам, и особой непринуждённой выправке. Немало на перроне было и новобранцев, которые неловко чувствовали себя в новом, ещё не притёршемся обмундировании, и выглядели чересчур скованными и нескладными, а при этом излишне возбуждёнными.

Взгляд Фёдора на мгновение задержался на замаскированной зенитной пушке, скользнул вдоль пристанционного садика, и остановился на одинокой фигурке девчушки лет десяти-двенадцати, в голубеньком ситцевом платьишке, которая сиротливо стояла возле такой же одинокой берёзки со скромным букетиком съёжившихся васильков в руках. Выгоревшие до белизны волосы аккуратно переплетены узенькой, словно тесемочка, ленточкой. А глаза, такие же голубые, как небо, бездонным океаном раскинувшееся над головой, как платьишко, прильнувшее к худенькому тельцу, как васильки, скукожившиеся в букетике, с не по детски глубокой скорбью смотрели на окружающих, и обрушивались на плечи солдат своей безжалостной проникновенностью. И столько говорил этот безмолвный взгляд, что Фёдор не мог отвести глаз, и старался раз и навсегда впитать в себя это невысказанное откровение, запечатлеть в памяти столь волнующий образ.

Глухо выдохнул паровоз, эшелон дёрнуло. Девочка встрепелась, подбежала к ближайшей «теплушке», и тоненьким голоском прокричала:

- Дяденьки, родненьки!.. Вот, возьмите!

Она сунула букетик в руки какому-то солдату, который браво склонился к ней, ухватившись за поручень, и отскочила в сторону. Поезд двинулся с места, девочка прижала худенькие кулачки к побледневшим щекам, и снова застыла на перроне. Фёдор в оцепенение взирал на удалявшуюся фигуру девочки, и всё яснее понимал, что вот за эту девочку, за сотни тысяч таких, как она, воины эшелона будут стоять насмерть на неизвестном ещё рубеже. Как озарение появилась мысль, что Родина – это не просто Ивановка, Петровка, Тарасовка, или там Курск, Орёл, Псков. Родина – это маленькая девочка, и миллионы таких же, как она, детишек, жён, сестёр, матерей. Родина – это народ, великий советский многонациональный народ.

- Спасибо, дочка, - прошептал кто-то рядом.

Фёдор оглянулся, и увидел пожилого солдата с густыми, слегка тронутыми сединой усами. Лицо его будто высеченное из гранита, испещрено мелкими рябинками, и излучало глубокую теплоту, свойственную добрым, чувствительным натурам. Не поверить искренности, с которой произнёс он эти слова, невозможно. Солдат ссутулился, и вытер рукавом гимнастёрки повлажневшие глаза. Затем примостился рядом с Фёдором, достал кисет, и предложил закурить.

У Фёдора защипало в глазах. Он сбросил с себя груз оцепенения, не спеша извлёк из кармана гимнастёрки мятый клочок газеты, и принялся деловито скручивать «козью ножку». Завязалась по-солдатски скупая беседа, когда после каждой фразы следовала целая серия затяжек.

По особым, едва уловимым признакам, Фёдор догадался, что его собеседник является представителем славной во все времена профессии, профессии земледельца. Бросались в глаза натруженные, с задубевшими мозолями, жилистые руки. Чувствовалось, что эти руки знают цену настоящему крестьянскому труду. Из-под грубого сукна гимнастёрки по-богатырски бугрились округлые плечи, которые плавно переходили в широкую покатую спину. Фёдора невольно потянуло к этому человеку, с которым он так нежданно сблизился.

Под насыпью стали то и дело попадаться обгорелые остовы вагонов. Где-то рядом, прорываясь сквозь колёсный перестук, ухала канонада. Поезд зашипел, сбавил ход, пробежал ещё немного, и остановился. Солдаты заволновались. Откуда-то появился начальник эшелона, поскрипывая новенькой портупеей и яловыми сапогами. Он широко шагал вдоль железнодорожного полотна, и напряжённо вслушивался в еле различимые звуки, доносившиеся сверху. Удушающий зной раскалённого неба наполнился мерным рокотом тяжёлых бомбардировщиков.

- Воздух!.. - прокатилось по вагонам.

Железнодорожная насыпь словно пришла в движение, зашевелилась, забурлила, и тут же просочилась в соседний перелесок.

- Сейчас будет, - проворчал недовольно пожилой солдат, тот самый, что был около Фёдора в вагоне.

Он прислонился к нежно-белому стволу поседевшей березки, и озабоченно вглядывался в небо глубокими тёмно-серыми глазами.

- Эх, только и смотри, как бы по башке не садануло.

- А что, Степаныч, страшновато, небось? - ухмыльнулся широкоплечий малый с загорелым, обветренным лицом опытного вояки, в плотно пригнанном обмундировании, и лихо сдвинутой на затылок пилотке.

- Не скалься, - отрезал пожилой, - каску надень.

- А я заговорённый, - просто ответил весельчак, - мне ещё собаку Гитлера за одно место взять надо. Счётчик к нему имеется.

Из-за облака, неохотно проплывающего по небу, вывалился, отливая серебристыми боками, тупорылый «юнкерс». И сразу же

«заговорили» зенитки, изрыгая в небо смертоносные огненные плевки. Солдаты замерли, и стали напряженно прислушиваться к тому, что творится по соседству.

Переваливаясь с крыла на крыло, бомбардировщик ринулся на перелесок, в котором они укрылись. Вой падающей бомбы словно ножом полоснул по сердцам солдат. Юркими ящерицами рассыпались они по кустам, забились по расщелинкам, вдавливая тела в крохотные клочочки земли, которые стали для них в эти минуты крепостью, целой планетой, призванной спасти от неминуемого удара, но такой маленькой, такой хрупкой, что хотелось стать меньше, съёжиться, ещё глубже вжаться в землю, только бы укрыться от заполнившего всё существо до мозга костей пронзительного воя. Удар, который потряс и землю, и воздух, стоны людей, пронзительный вой падающих бомб – всё смешалось на узком пространстве клочка земли, укрывшего пассажиров эшелона. Разрывы бомб непрерывно сотрясали землю, и Фёдору казалось, что следующая бомба упадёт прямо на него. Все мускулы и нервы в каком-то невероятном устремлении прижимали его к земле. И он в стремился слиться с ней, стать единым целым. Удар следовал за ударом, разбрызгивая вокруг себя смертоносный металл. Земля становилась на дыбы, брыкалась, крушила и обезличивала, обрушивалась всей массой вниз, и снова становилась на дыбы, чтобы начать всё сизнова.

Никто не заметил, когда всё закончилось, и сколько времени продолжалось. Тишина, которая навалилась на плечи, казалась неустойчивой, обманчивой, словно неразорвавшаяся бомба. Откуда-то издалека до Фёдора донесся чей-то стон. Голова гудела словно колокол, перед глазами плыли, то сливаясь, то разлетаясь в разные стороны, разноцветные круги. По телу разливалась предательская слабость. К пустоте неопределённости примешивался крохотный осадок радости бытия. Я чувствую, следовательно, существую. Эта простая истина имеет вполне определённое следствие: я существую, значит на этот раз пронесло. В такие минуты о будущем как-то не приходит в голову задумываться. С каждым ударом сердца возвращается ощущение действительности, ощущение жизни, ощущение жажды, и всего того, что свойственно любому пережившему бомбёжку человеку. Фёдор поднял голову, и увидел напротив себя Степаныча.

- Ах, ты, оказия какая, - невнятно бормотал тот, подымаясь с клочковатой пепельно-бурой земли, - кажись, долбанула, треклятая...

Он обхватил голову руками, согнулся, и, покачиваясь на нетвёрдых ногах, прислонился плечом к дереву. Фёдор привстал, отряхнулся от присыпавших его комьев земли, расправил гимнастёрку, негромко охнул от пронизывающей боли в позвоночнике, и закинул винтовку за плечо. Руки, ноги целы. Гул в голове постепенно проходит, ещё напоминая о себе неприятным звоном в ушах, будто заложенных ватой. Тошнота, которая охватила с самого начала бомбёжки, теперь отступает, но как то нехотя, готовая вот-вот вернуться.

Фёдор задрал голову, и стал с опаской всматриваться в небо, которое больше не казалось спокойным. Тревожный взгляд побродил по верхушкам деревьев, скользнул по серебристо-белым опалённым стволам вниз, и остановился на человеке с неловко подвёрнутыми руками. В остеклевенных глазах человека сквозили боль, и изумление, как будто он так и не успел понять чего-то важного. Ссохшаяся от многодневной жары земля не успевала впитывать бурую кровь, безжалостной лужицей темневшую под телом. Фёдор догадался о его судьбе, поперхнулся, и надсадно закашлялся в рукав. В груди что-то закипело, заклокотало, и тут же вырвалось наружу, забрызгав зеленоватой жидкостью кустарник.

- Ах, ты, ч-чёрт! - выругался Фёдор и, покачиваясь на нетвёрдых ногах, вышел к железнодорожной насыпи, изрытой воронками от разрывов.

Несколько «теплушек» разбито в щепки, и теперь догорают на путях. В нескольких местах повреждено железнодорожное полотно. Копоть и гарь стоят над всей окружающей местностью. О продолжении пути нет и речи. К поезду стекаются остатки эшелона. Кое-кого несут на руках товарищи. Всюду замелькали бинты, появились носилки. Всё делается молча, слышатся лишь стоны раненных, лязг оружия, да потрескивание догорающих вагонов, которые успели отцепить от целых.

Снова появился начальник эшелона, и стал наводить какое-то подобие порядка. Его голос слышится, то с одного конца эшелона, то с противоположного. Командиры подсчитывают потери среди подчиненных. Фёдор вдруг понял, что потери оказались действительно серьёзными. И дело вовсе не в количестве раненных и убитых, которых также хватало. Людей, что само по себе очень страшно, поколебало морально. Большинству из них такого массированного авианалёта ещё не приходилось испытывать. А

времени, чтобы опомниться, прийти в себя, нет. Откуда-то стало известно, что на одном из участков фашисты прорвали линию фронта, и пытаются нанести удар по сосредоточению наших войск в районе станции Алексино.

Солдаты молча и быстро, так быстро, как они привыкли в эти тяжёлые военные дни, построились. Командиры торопливо, словно боясь опоздать, в который уже раз делали перекличку, доводили до своих подразделений боевые задачи, и без промедления отправлялись на свои рубежи.

Остатки роты старшего лейтенанта Раскатова, в которой числился Фёдор, бросили на небольшую высотку, которая располагалась непосредственно за перелеском. Судя по её расположению, защитники высотки должны принять на себя основной удар прорвавшихся фашистов. Обойти высотку невозможно.

Фёдор получил новенькое, ещё в масле, противотанковое ружьё с боеприпасами к нему. Вторым номером оказался молоденький боец в тёмно-зелёной гимнастёрке, заляпанной золой вперемежку с мазутом, и буро-красной глинистой жижей, которая свежими потеками вырисовывалась и на животе, и на локтях, и на коленях. На веснушчатом мальчишеском лице, также покрытом грязными потёками, ясно отпечатались испуг, и растерянность. Чувствовалось, что бомбежка не прошла для него даром. Временами он с опаской поглядывал на небо, заметно суетился и нервничал.

Как только они оказались на месте, все принялись спешно окапываться. Командир роты летал с одного фланга на другой, и не давал спуска подчинённым. Особо он спрашивал с взводных. Раскатов понимал, что для большинства из них первый бой может оказаться последним. Такова судьба этих «желторотиков», как мысленно называл он своих взводных, безусых юнцов, которым личным примером приходилось поднимать бойцов в первую атаку, и оказываться во весь рост под прицелом вражеского оружия. Как командир роты, он считал, что от него, во многом от него, зависит исход боя на вверенном ему участке. И это подхлестывало, заставляло ещё более требовательно подходить к подготовке боевого рубежа перед встречей с врагом. Он подсказывал, делал замечания новичкам, порой даже резкие, и подгонял, подгонял, подгонял...

Немцы появились, когда окопы ещё не были готовыми. Чёрные коробочки танковой колонны появились из-за поросших вдоль небольшого става зарослей орешника у дальней балки. Головной танк

развернулся, и, оставляя позади себя шлейф копоти и пыли, ринулся в сторону окопов. Фёдор бросил лопатку на дно недокопанного окопчика, и грудью приник к земляному брустверу. Гул, производимый движением танков, ощущался всем телом. Руки клещами впились в ещё не растерявшую подземной сырости землю, и мелко задрожали.

Страх по-змеиному начал медленно, но неуклонно обволакивать сознание, исподволь парализовывать волю. Фёдор оглянулся, и с ужасом увидел, как напарник на четвереньках пытается отползти подальше от окопов. «Куда?» - сделал попытку окликнуть его Фёдор, но из горла вырвалось какое-то сипенье, мало похожее на членораздельную человеческую речь.

- Назад, щенок! - послышался строгий окрик командира роты.

- Вы куда, Скулкин? - вторил ему робкий голос младшего лейтенанта Кирюшкина, который не понял манёвра своего подчиненного.

Скулкин неожиданно вскочил, и вприпрыжку, петляя, помчался в сторону перелеска, который темнел неподалёку. Винтовочный выстрел сухо щёлкнул из соседнего окопчика, и остановил его. Бывший напарник схватился за живот, сделал шаг, другой, потом неуклюже уткнулся в землю, чуть привстал, и, наконец, окончательно потерял опору, и рухнул без движения.

Широко раскрытыми глазами смотрел Фёдор на неподвижное тело второго номера, бывшего второго номера, и никак не мог осознать, что всё это происходит наяву, что вот она – первая для него, Фёдора, осязаемая жертва войны, жертва животного страха. Не укладывалось в сознании, что вот так просто этот человек убит. И убит не чужой пулей, не вражеской, а своей, как предатель, как дезертир. И это самое страшное. Впрочем, сколько ещё **самого страшного** предстоит испытать Фёдору за эту войну?

А в этот миг мозг лихорадочно вспыхнул: ещё не началось, а уже появился дезертир. Какое странное слово «дезертир». Какое оказывается страшное слово. Когда это происходит где-то в другом месте, и с чужими, незнакомыми людьми, это слово вызывает негодование, произносится легко, с нотками презрения в голосе. Но вот произошло это. На глазах произошло, и с человеком, который только что копался рядом в земле. А такой категоричности нет. Ни гнева, ни презрения нет. Лишь жгучая в своей беспомощности растерянность. И, хотя, Фёдор знал точное определение тому, кто

остался лежать за окопами, он всё ещё не мог принять его, старался найти какие-то другие слова. Нет, не оправдывающие его, просто, другие. Но в висках словно пуль, билось слово «дезертир».

Старший лейтенант Раскатов начал осипшим голосом раздавать команды:

- Не бойсь, ребята!.. Кудря, бери головной!.. Соколов, страхуешь Кудрю!.. Васильев, Чухрай, прикройте фланги!.. Степаныч, помоги Земскову!..

Фёдор вздрогнул, услышав свою фамилию. Степаныч осторожно выбрался из своего окопчика, и перекатился в соседний, к нему. Сразу по брустверу зашлёпали пули, и заставили солдат сползти ниже. Фёдор лихорадочно схватил своего нового напарника за руку, и прошептал:

- Степаныч, погибнем!

Степаныч слегка пожал плечами, и ответил, будто речь шла о чём-то обыденном:

- Война... - затем, настороженно глянул на Фёдора, и строго спросил: - А ты что, случаем, не драпать собрался? Как тот? - кивнул он головой в сторону убитого беглеца.

- Что ты, Степаныч, что ты, - испуганно ответил юноша, у него мурашки прошли по телу от такого сравнения. - Только жить-то охота. А, Степаныч?

- Охота? - Степаныч хмыкнул в усы, почесал заскорузлой ладонью подбородок, и подтвердил: - Охота! Всем охота: и тебе охота, и мне, и Кудре, и ротному нашему тоже охота. И тем, что в перелеске у насыпи остались, тоже охота было. И даже этому, - он снова кивнул головой назад, - Знано, помирать никому не охота. Только пойми, дурья твоя башка, что ежели мы все за шкуры свои трястись будем, кто ж тогда немчуру остановит?.. Сколь людей зазря погибнет? Сколь слёз прольют бабы наши? Сколь кровушки выпьет Фриц проклятый? Сколь детей сиротами пустит? Сколь землицы нашей рódной испоганит? - Степаныч зачерпнул горсть, ещё не успевшей подсохнуть, пропахшей сыростью и солдатским потом земли, поднёс к лицу, и жадно, словно изголодавшийся странник, вдохнул её аромат. - Держись, Земсков! Он, Гитлер, тебя бояться должен, - затем, видимо, устыдившись столь громких фраз, негромко добавил: - У меня тоже мандраж в коленках. Это поначалу всегда так, потом легче будет.

Рядом защёлкали винтовочные выстрелы, затрещали пулемётные очереди. Степаныч отгёр Фёдора крепким, как булыжник, плечом, и приник к деревянному ложу противотанкового ружья.

Немцы, остановленные по ходу движения прицельным огнём, попытались на флангах прорваться, но сделать это также оказалось непросто. Плотный заградительный огонь остервеневших защитников высоты сковывал манёвр. Разгорелся бой. Степаныч, который каждый свой выстрел сопровождал сиплым выкриком в адрес фашистов, передал настроение Фёдору. Бойцы яростно защищали свой клочок земли. Уже три вражеских монстра беспомощно застыли на поле, охваченные клубами огня и копоти. Атака захлебнулась. Под прикрытием огня самоходок, которые укрылись в небольшом берёзовом колке, танки отступили к дальней балке. Наступила тишина – затишье перед грозой. Не сумев взять рубеж сходу, немцы готовились к более основательной атаке, подтягивали новые силы.

Степаныч молча курил самокрутку, и выдыхал дым на дно окопчика. Ещё не осознавший в полной мере всего величия столь малого в рамках великой войны события, Фёдор расслабленно откинулся на бруствер, жадно вдыхал воздух, пропитанный запахом пороха, дыма и горячего металла, и чему-то улыбался своими припухшими, искусанными в кровь губами. Где-то в белёсой вышине заливался жаворонок, очевидно испугнутый шумом, который произвёл бой. И от этого незначительного, но невероятного события, казалось, что тишина никогда не кончится, и всё пережитое, это просто кошмарный сон. Или это только казалось Фёдору? Почему птаха не улетела прочь?

- Ну как, браток, постиг боевую мудрость? - подал голос Степаныч.

Фёдор коротко пожал плечами, и неуверенно ответил:

- Не разобрал ещё, - затем склонился к Степанычу, и доверительно прошептал, - уж, больно жутко, когда пули свистят. Пуля-то ведь, дура...

- Пуля-то она, конечно, дура, - Степаныч глубоко вздохнул, поёрзал в поисках удобной позы, и продолжил: - Только не след её пужаться-то. Те, что свистят, почитай, уже мимо прошли... А своей услышать не доведётся, - грустно добавил он, и отвернулся.

Послышались чьи-то лёгкие торопливые шаги.

- Ну, как, живы? - прохрипел над головой голос старлея Раскатова.

Степаныч показал ему большой палец, и продолжил дымить сигарку. В другой раз командир взгрел бы его за то, что он так откровенно демаскирует свою позицию, но сейчас...

- Держитесь, хлопцы! - потрепал он Земскова по плечу, задержался на мгновенье, и побежал дальше, время от времени окликивая кого-то.

- Хорошая у тебя фамилия, Земсков. Самая, что ни на есть нашенская, - задумчиво высказался Степаныч.

- Степаныч, дай докурить, - попросил Фёдор, и протянул за сигаркой руку.

Степаныч сделал глубокую затяжку, но передать сигарку не успел. Снова послышался рокот моторов, затрескали пулемётные очереди. Немцы пошли в атаку. Чтобы лучше оценить обстановку, Фёдор деловито выглянул из-за бруствера. Тугой удар взрывной волны, тут же оглушил, сбил дыхание, и отбросил его назад...

Сознание возвращалось медленно, и сопровождалась сильным, будто бесконечный полёт над пропастью головокружением. Черепную коробку разрывал протяжный, словно лопнувшая струна болезненный звон. Невзирая на это, Фёдор понял, что жив. Жив!

С невероятным усилием он приподнял отяжелевшие веки, и сквозь застилавшую глаза пелену увидел перед собой густые ветви орешника. Каким образом он попал в эти заросли? Перед Фёдором промелькнула картина удирающего дезертира, и он ужаснулся мелькнувшему подозрению. Тут же сделал попытку из последних сил встать. Но сразу завалился на бок.

Кто-то подхватил его под мышки, перевернул, и пристроил поудобнее на старое место. И это ни кто иной был, как Степаныч. Гимнастёрка на нём изодрана в клочья, на пепельно-сером лице темнеют свежие кровоподтёки и буро-малиновые мазки ссадин, на подбородке кровоточит рваный шрам. Степаныч поминутно морщился, и промокал его рукавом гимнастёрки. Фёдор всё понял. Жгучая боль пронзила насквозь, и вызвала невыносимые душевные муки. Выходит, всё-таки немец смял их рубежи. Значит, не смогли они остановить прорвавшихся фашистов.

Буйной радости от того, что сам он жив, не было. И жив то он благодаря Степанычу, который каким-то образом уцелел в той бойне, и сумел вытащить его с поля боя. Перед глазами вновь и вновь вставала картина убегающего дезертира, и его бесславная смерть. В

бессильной ярости Фёдор забился, и стал суматошно цепляться за ветви. И вероятно от натуги, с которой он пытался из рук Степаныча вырваться, в ушах вдруг что-то прорвало. Фёдор услышал отдалённую канонаду, и затих, насторажился. Степаныч всё понял, обрадовался и засуетился:

- Вот и ладненько. Теперь выкрутимся.

Фёдор с усилием разжал губы, и прошептал:

- Где мы?

- А бог, его знает? - пожал плечами Степаныч, и устало опустил прямо на землю, - поди, вёрст пять, не меньше, отмахали.

- А ротный?

- Какой там ротный, - обречённо произнёс Степаныч. - Всё... Ни ротного, ни роты. Всю высоту распахали, сволочи. До сих пор поверить невмочь, что ноги из того ада унесли... Немного отдышимся, и к нашим рванём.

В голосе Степаныча не было гнева. Только усталость. Фёдор почувствовал это, и подтвердил:

- Рванём.

- А можа, и рвать-то не придётся. Нутром чую, вернутся наши. Выдыхается немец уже. Прёт, скрипя зубами от натуги. Пора и дать ему по зубам, вышибить клыки поганые. Ведь, такое богатство оставляем. - Степаныч обвёл руками вокруг себя. - Обязательно должны вернуться.

Откуда взялась твёрдость в голосе Степаныча? Фёдор радостно согласился:

- Вернутся.

- Конечно, вернутся. Ну, да ладно. Лежи, паря, тихо. Мне тебя ещё на ноги поставить надо. Пойду, пошарю вокруг. Авось, ручеек, али лужицу каку найду, - Степаныч вздохнул, потряхнул несколько раз для очистки совести пустой фляжкой и промолвил: - Лежи, браток.

И скрылся в зарослях. Фёдор остался один. Он то падал куда-то в бездонную пропасть, то опять оживал. Время шло, Степаныч не возвращался. Снова и снова перед глазами вставала картина убегающего дезертира.

Степаныч так и не вернулся. На третий день, или на четвёртый, в памяти не осталось чёткого представления, Фёдора подобрала выходявшая из окружения стрелковая часть. Окруженцы и вынесли его на своих плечах к нашим...

* * *

- Товарищ, вам плохо? - голос проводницы пробудил Фёдора Ивановича от воспоминаний, вернул к действительности.

- Нет, спасибо... Вспомнилось, - Фёдор Иванович импульсивно смял сигарету, поезд приближался к памятной станции. - Пожалуй, сойду.

Трудно сказать, почему так важно было для него сойти здесь. Но он понял, что прошлое клещами вцепилось в ослабевшее с годами сердце, и тянет его к себе. Фёдор Иванович прошёл в купе, достал чемодан, перекинул плащ через руку, и под изумлённые взгляды соседей по купе и проводницы, вышел на перрон. Машинист дал сигнал к отправлению. Поезд набрал ход, и умчался, оставив на перроне «незадачливого» пассажира.

Фёдор Иванович растерянно озирался, не узнавая станции, этого нового здания вокзала из стекла и бетона, который несколько не напоминал деревянной постройки вокзала военных лет. Что ж, время берёт своё. Всё течет, всё изменяется. Сколько воды утекло с тех пор? Трудно было рассчитывать, что всё останется, как прежде.

- В гости приехали, али, как? - спросила Фёдора Ивановича пожилая женщина в домотканой шерстяной кофточке, которая взглядом провожала уходящий поезд.

Фёдор Иванович неуверенно пожал плечами:

- Как вам сказать?..

- А я вот внучку свою в город проводила. Она у меня дельная. Учиться поехала.

Фёдор Иванович, который ещё не сбросил с себя окончательно груза воспоминаний, буркнул невпопад:

- Да-да... Воевал я здесь.

Женщина осеклась, устремила на него проникновенный взгляд, затем словно спохватилась, и взяла его за рукав:

- Милый ты мой. Я ведь в годы-то войны, девчонкой, тоже здесь была. Какое времечко-то было. Сколько пережили... - она глубоко вздохнула, и смахнула украдкой набежавшую слезу. - А сколько вас, сердешных, полегло здесь, подумать страшно. От станции живого места не осталось...

- М-да, было дело, - задумчиво ответил Фёдор Иванович.

- Куда ж теперь-то? - с участием посмотрела женщина на Земскова.

- Высотку, где рота стояла, думаю, найти.

- Не знаю, - разочарованно ответила женщина. - Сколько их, на нашей земле, таких высоток было, и каждая кровью полита. Не за ордена, за Русь, за Родину нашу насмерть стояли люди. Да, что там говорить, разве в наградах дело? В духе! В духе народном дело. До сих пор не могу забыть одного солдата... Бо-ольшой человек был... Настоящий. Ради хлебного поля жизни своей не пожалел, смертушку принял. Это в те годы то, когда война много чего перемолола... Мы с тёткой Дарьей тогда добирались домой в деревню со станции. Не успели эвакуироваться, а потом поздно было... Бомбёжки начались, значит. Ну, и топаем мы потихоньку, глянь, солдат, как помню, пожилой такой, весь изодраный, израненный, хлеб гимнастёркой тушит. А по дороге автоколонна немецкая шла. Впереди, как принято у них было, мотоциклисты. Мы с тёткой Дарьей...

Фёдор Иванович сразу взмок:

- А усы были?

- У солдата-то?.. - женщина замерла, наморщила лоб, припоминать стала. - Да, были усы, были. Густые такие, подпаленные с одной стороны...

- На подбородке рваная рана?

- И рана... Да, ты... Как же... - женщина удивлённо уставилась на Земскова. - Была на подбородке-то рана рваная..

- А фляжка?

- Кто ж вспомнит-то?.. Вроде, рядом валялась...

* * *

Огонь под ударами гимнастёрки мечется из стороны в сторону, и прижимается к земле. Он словно прячется от ударов, выпускает едкий дым, который сбивает дыхание, застилает глаза, забивается в нос и горло.

- Хлеб горит, хлеб... - почерневшие губы твердят эти слова с какой-то нечеловеческой настойчивостью.

Гимнастёрка снова и снова взлетает над головой, чтобы неуклонно опуститься на оживающие языки пламени... Дым... Он обволакивает даже сознание... Сейчас бы остановиться, чуток свежего воздуха глотнуть... Хотя бы капельку свежего воздуха... Гимнастёрка, исступлённо хлестнула по огню, и безжизненно повисла в обессиленных руках солдата. Но в висках с новой силой застучало:

- Хлеб горит, хлеб... - и она снова заметалась над огнём...

Удар... Удар... Ещё удар... Каждый удар отдаётся в сознании орудийным раскатом... Кажется, что-то трещит... Огонь?.. Нет, что-то другое... Похоже, мотоцикл... Точно, мотоцикл... А эти двое?.. Немцы?.. Нужно успеть потушить... Это же хлеб... Нужно успеть... Почему они не стреляют? Может быть... Ведь и среди них есть же хлеборобы... А может быть помогут? Ведь, хлеб... Ну, что же вы?.. Хлеб горит, хлеб... О чём они?..

Автоматная очередь толкнула в грудь, прошила сознание, разожгла огонь где-то внутри. Солдат, старался не потерять равновесия, выпрямился. Взгляд, уже оторванный от сознания, скользнул по хлебному полю, раскинувшемуся на взгорке, остановился на двух запалённых фигурах с автоматами в руках, метнулся в небо, потерялся в проплывающих облаках, и погас...

1987

МАКСИМКА

Седоватая пелена утреннего тумана, устало сползала с невысокого косогора, сиротливо нависшего над небольшой бормотуньей-речкой, и заливала многочисленные ложбинки и овражки, изрезавшие округу, оставляя нетронутыми пёстрые пятна берёзовых колков, в изобилии разбросанных по долине. Их кудрявые узоры, были словно вышиты чьей-то искусной рукой на белёсом холсте лугов и полей, сонно посапывающих под пуховым одеялом тумана. В воздухе, ещё не обласканном солнечными лучами, висит запах сырости разбросанного для просушки свежескошенного сена, с прогорклым, щекочущим горло горьковато-приторным привкусом конопли. Легкокрылая стайка беззаботных воробьёв порхала вокруг одинокого домика, кособоко вырисовывающегося на взгорке, поросшем бурьяном. Кое-где виднеются остатки полуразвалившегося тына, который очерчивает небольшую делянку около домика.

Максимке захотелось выскочить из лопухов, где он сидел, согнувшись в три погибели, широко раскинуть руки, промчатся по

сырой от обильно выпавшей росы траве, и во весь голос прокричать: «и-го-го-го-го-о-о...» – так хорошо у него на душе. Но угрожающая фигура тётки Настасьи, которая смутно угадывается на тропинке около домика, с ужасающе жгучим, при одном только воспоминании о нём, хватом в руках, напоминает, что надо притаиться и ждать.

- Максимка ! Пострел ты, эдакий! А ну, вылезь, кому говорю?! Ищь ты, бесяка! Я т-те покажу рыбалку! - разносится по округе осипший голос тётки Настасьи, желтовато-серое лицо которой, изрезанное глубокими резкими морщинами, носит отпечаток многочисленных болезней, которые по всей вероятности терзают исхудавшее тело, что отнюдь не способствует её привлекательности.

Впрочем, несмотря на столь суровую оценку, Максимке она кажется вполне «подходящей». Для чего «подходящей», Максимка не знает, но слышал, что так говорили про баб деревенские мужики. Он поковырял пальцем в носу, и конопатое лицо расплылось в довольной улыбке. Нет, всё-таки, что ни говори, а он, Максимка, молодец. Так ловко увильнуть от цепких рук тётки Настасьи! Теперь осталось подождать, пока ей надоест рвать горло, и пробраться в соседний овражек. Оттуда рукой подать до речки, где водится полосатый разбойник окунь, юркий задира ёрш, и неприметный тихоня язь. Изредка попадаетесь несговорчивый мудрец сом, но о такой удаче Максимка пока даже не мечтает.

Он представил, как с богатым уловом вернётся домой, и нарочито замешкается в сених. Подобревшая тётка Настасья улыбнётся давно потерявшими первоначальный цвет глазами, и ласково проворчит: «Ладно, Максимка, бес девятый, Бог с тобой, иди обедать». И тогда он шмыгнёт носом, подтянет штаны, подойдёт к тётке Настасье, и виновато уткнётся лицом в передник. Она погладит его вихрастые волосы, и вздохнёт: «Ох ты, моя сиротинушка!» Всё это ясно, как наяву, стоит перед Максимкиными глазами. Но сейчас, во избежание нагоняя, нужно ещё немного выждать.

И действительно, скоро тётка Настасья поперхнулась, надсадно закашлялась, судорожно вцепилась узловатыми пальцами во впалую содрогавшуюся грудь, сдавленно выругалась, и уже не озираясь по сторонам отрешённо поплелась по направлению к домику, еле передвигая опухшими ногами.

Цепляясь за репейник и стараясь не выдать своего присутствия случайным шорохом, Максимка осторожно пополз в сторону овражка, где его уже ждал загадочный друг Митька, одногодок, и

непревзойдённый во всей округе рыболов. Он дождался, пока тётка Настасья скроется за дверью, вскочил, и торопливо рванулся в сторону овражка. Через пару секунд кубарем скатился по склону, и больно ударился о каменный выступ, как назло оказавшийся на пути. Он громко ойкнул, привстал, потёр ушибленное место и огляделся. Поёживаясь от утренней прохлады, Митька сидел в кустах на самом дне овражка, шагах в двадцати от того места, куда свалился Максимка. В руках у Митьки новенькие, свежего среза ивовые удилица с настоящей «орсовской» леской, а рядом стоят ведро и банка с наживкой. Стараясь не обжечься о крапиву, неприязненно преграждавшую дорогу, Максимка пробрался к своему другу.

Вскоре друзья топали по еле приметной тропинке, вьющейся вдоль речки, и весело насвистывали. Непрестанно бормоча и вздыхая, речка несла свои воды в пологой, заросшей осокой и камышом, впадине. Тропинка, то ныряла под уклон, и терялась в густой траве, то появлялась вновь, выныривая за очередным подъёмом. и дальше она бежала, огибая крутые взгорки и рытвины, похожая на неловко оброненную кем-то пёструю ленточку. Будто потревоженный ещё не вступившим в свои права утром, неподалеку скрипел сверчок. В тугую нить завязывались негромкие птичьи пересвисты.

Возле старого кряжистого дуба, хищно раскинувшего свои корявые ветви-лапы, Митька нырнул в заросли ольхи, и через минуту друзья сторожко, стараясь не распугать рыб, развернули удочки в «прикормленном» месте, на берегу небольшого тенистого заливчика. Рой комаров, потревоженных незваными гостями, звеня, обрушился на них. Рыболовы пыхтя, но стойко переносили их укусы, и молча отбиваясь от назойливых «бестий». Вскоре они застыли, скрючившись возле удилиц, и стараясь не прозевать поклёвки.

- Митяй, - не выдержал Максимка, - а кем ты станешь, когда вырастешь?

- Тс-с... - зашипел Митька, но тут же прошептал, не отрывая настороженного взгляда от поплавка, - я, как батька, трактористом...

- А я лётчиком хочу быть, - вздохнул Максимка, и мечтательно закатил глаза, - истребителем, как...

Но закончить фразу Максимке не довелось.

- Тяни-и ! - словно мечом рубануло по вискам, и выбило из головы идиллическую картинку.

От истошного вскрика Митьки, Максимка вздрогнул, и упустил удилице из рук. Митька, словно заправский голкипер метнулся к

Максимке, одной рукой подхватил удочку, и мастерски подсёк сверкнувшую серебристым боком рыбину.

- Эх, ты, летчик! - Митька любовно снял с крючка трепыхающуюся добычу, непроизвольно помедлил ввиду значительности события, и с трепетным благоговением пустил её в ведёрко.

Рыбина дёрнулась, и заметалась от стенки к стенке. Но вскоре почувствовала всю безысходность отпущенного ей ограниченного пространства, затихла, и прижалась ко дну, настороженно перебирая плавниками. Расстроенный своей неловкостью Максимка про себя решил несмотря ни на что больше не отвлекаться, и снова закинул удочку. Угрюмо, слегка закусив припухлые губы, он уставился на поплавок. Лениво покачиваясь от легкой ряби, создаваемой ветерком, поплавок будто дразнил Максимку, и заставлял раз за разом подёргивать удочку с нетронутой наживкой. В голове у Максимки зашумело от нагнетаемого напряжения. А, может, это не в голове вовсе?

Что-то неотвратимо знакомое заставило его встрепенуться, привстать. Без сомнения, шум шёл откуда-то сверху, с утреннего неба. И не шум вовсе, а гул, который произведён не чем иным, как винтами самолётов. Винтами десятков самолётов. Эскадрилья за эскадрильей пролетают они где-то рядом, скрытые туманной дымкой, по-прежнему стелившейся над рекой. Максимку неотвратимо потянуло туда, в небо, в голубое безбрежье простора. И, невзирая на ахнувшего Митьку, снова метнувшегося к его удилице, он начал упрямо продираться сквозь заросли на тропинку. Над головой прошла очередная эскадрилья, и ещё более раззадорила воспалённое воображение мальчугана.

«Учения!» - с восторгом подумал Максимка. И, словно, в подтверждение его догадки, где-то вдали глухо прогремели взрывы. Максимка выбежал на тропинку, и помчался вверх по склону ближайшего холма. В стороне от речки, туманная дымка рассеялась, соприкоснувшись с лучами восходящего солнца, и открыла красоту окружающей местности. Лёгкие облачка невесомыми парусами зависли над головой, готовые к неведомому воздушному путешествию. Максимка увидел очередную эскадрилью, стройными рядами подлетающую к холму, и припустился ей навстречу.

- О-го-го-го-о!.. - закричал он, стараясь дать выход кипевшему в его худеньком тельце восторгу.

Утренний ветерок упруго подхватил его в крепкие объятия, приподнял над землёй, и понёс всё выше и выше, стараясь воссоединить со стаей металлических птиц, плывущих навстречу. Максимка летел, кричал, размахивал руками, и чувствовал, как они превращаются в могучие крылья. И он хотел взлететь ещё выше, в необозримые просторы неба, чтобы с высоты птичьего полёта обозреть такую близкую ему, такую несравненно прекрасную родную сторону.

Один самолёт явно заметил мальчугана, качнул крыльями, и нырнул вниз. Максимка пытался продлить очарование своего полёта, весь вытянулся, рванулся навстречу. Пулемётная очередь яркой вспышкой пронзила сознание, остановила его порыв, прошла грудь, и опрокинула на спину. В застывших, так ничего не понявших глазах мальчугана, мелькнула тень самолёта с хищными крестами на плоскостях. Лётчик удовлетворённо откинулся в кресле, и мысленно отметил свою первую жертву только что начавшейся войны, которая вошла в историю, как Великая Отечественная...

1988

ЗА МГНОВЕНЬЕ ДО...

Словно обалдевшая от шального артобстрела, который ураганом промчался по передовой, перед глазами Пашани затрепетала пожухлая, рыжевато-серая травинка, зацепившаяся за камешек. Затаив дыхание, он наблюдал за её размеренным нескончаемым танцем. Жизнь, несмотря, на свою скоротечность и непредсказуемость, скрутив в крепкий жгут натянувшиеся нервы, продолжалась. Стараясь почувствовать запах, исходящий от травинки, Пашаня шумно потянул носом. Однако, вместо приятного растительного запаха, почуял острый запах гари, и щекочущий запах сырой земли.

- Тьфу, ты, - сплюнул досадливо Пашаня.

Сырая земля напомнила о том, как близко от неё он находится. Присыплет следующим взрывом, и даже хоронить не нужно будет. При этой мысли, Пашаня неприязненно поёжился, сдунул травинку с

камня, и перевернулся на спину. Перед глазами проплывала чёрная копоть дыма, а выше, в невообразимой голубизне неба, паслись кудрявые барашки белёсых облаков. Как будто, нет им никакого дела до того, что происходит здесь, на земле. Что значит для облаков война? Они не только живут в другом измерении пространства, но и в других временных координатах. И ему так захотелось туда, в высоту, где кажется даже время течёт по другому, нет неприятной свистящей тишины. Что общего могут с войной облака иметь? Хотя, могут. Копоть, хищно обволакивающая окрестности, порою добирается и до них. И тогда облака, тяжёлые, и грязно-серые, сердито нависают над головами тех, кто нарушает шаткое равновесие атмосферы.

Где-то неподалеку вздыбилась земля, и заставила Пашаню шустро перевернуться на живот. Он приник к земле, которая одновременно казалась спасительницей, и ненасытным чудовищем, без устали поглощавшим десятки, сотни тысяч ровесников.

Страха нет. За три месяца пребывания на передовой Пашаня успел привыкнуть и к обстрелам, и к смерти. Да, и к смерти тоже. Это, несмотря на то, что поначалу казалось, что именно его минует доля сия. Но со временем пришло понимание неизбежности смерти, и полного равнодушия к ней. Сейчас или позже, всё равно. Главное, чтобы Победа была наша. Хотя иначе и быть не может. Не удастся фашистской сволочи поработить советский народ. За это и погибнуть не жалко.

А если повезёт? Может, и повезёт. Везёт же капитану Бортникову. С самого начала войны ни одной царапины не получил. А ведь не сидится ему, в самое пекло лезет. И, как заговорённый. А Колян? Совсем без башки парень. Первым в атаку кидается. И тоже всего пару раз касательными получил. Смелого и пуля боится. Но это редкость. Некоторых уже в первый день прибытия на фронт смерть забрала с собой.

Так, ещё пару залпов фрицы дадут, и передышка. Потом на позиции полезут. Это не впервой. Подавятся. Уже пятый день так прут. И без толку. Батальон хоть и поредел, но держится. А завтра подкрепление прислать обещали. Так что, тщетно жилимся.

Пашаня чуть приподнял голову, и в лицо будто брызнуло чем-то. Земля за спиной вздрогнула, как от удара молота. Пашаня съёжился в ожидании взрыва, но ничего не последовало.

Он удивлённо глянул за спину, и окостенел от страха. Буквально в трёх метрах сзади из земли торчит хвостовик мины и шипит.

Взорвётся-не взорвётся? И спрятаться некуда. Если взорвётся, народ будет праздновать День Победы без него. А если не взорвётся... Чего уж там. Скажут, в рубашке родился.

А может, и не скажут. Велика заслуга! Вот Колян позавчера кинулся навстречу танку со связкой гранат, а Савелий этот танк из противотанкового ружья подбил. Вот это, действительно, в рубашке родился. Правда, Бортников ему потом нашпынял. Неча, вроде, без толку под танки лезть, когда есть чем обороняться.

Ну, а с миной то что? В любое мгновение взорваться может, а Пашаня, как парализованный, застыл на одном месте. Уже десять раз мог через бруствер перевалиться, укрыться от мины. Но что-то его удерживает, не даёт сдвинуться с места. С досадой он почувствовал, что обмочился, а мина всё шипит и шипит. Вот по её корпусу пошли огненные разводы. Сейчас взорвётся. Пашаня с ужасом понял, что это конец.

Но мина будто издевается, будто бы сама не хочет умирать, и судорожно цепляется за жизнь. Почему она не взрывается? Или высшая сила даёт время, чтобы спастись? Так, какого чёрта он тут валяется? Пашаня резко перекинул тело через бруствер, и прижался к земле. Бруствер сильно трянуло. Мина взорвалась.

Пашаня дождался, пока комки вздыбленной земли усеют поверхность вокруг, и переметнулся обратно. Вся позиция густо посечена осколками. Ему здорово повезло, что мина долго «раздумывала», прежде, чем взорваться. Рядом возник капитан Бортников.

- Живой?

- Живой!

- Резкий ты, однако.

Пашаня пожал плечами:

- Повезло, товарищ капитан. Мина сразу не взорвалась.

Капитан Бортников недоумённо почесал подбородок.

- Не понял.

Пашаня снова пожал плечами:

- Не знаю почему, но она после удара о землю, секунд через десять только взорвалась.

- Н-да, - озадаченно покачал головой капитан Бортников. - Это у тебя шок. Пройдёт. Между прочим, я рядом был. Всё видел. Сразу твоя мина взорвалась. Одного не пойму. Как ты заранее сумел

почувствовать, что она туда попадёт, и вовремя через бруствер успел сигануть?

У Пашани сразу же вспотела спина. Как же так? Он ведь ясно видел застывшие огненные разводы на корпусе мины перед взрывом. Не могла она сразу взорваться. А может? Пашаня подозрительно глянул на Бортникова, и ему показалось, что сама смерть издевательски подмигнула из-за плеча капитана.

1991

СТИХИ

* * *

И заиграли вальс гитары,
Как будто, всполохи пожаров,
Лучи прожекторов метнулись,
И в ритме вальса покачнулись.

Вальс, Вальс, старинный Вальс,
Вальс всех закружит нас,
Вальс, Вальс, старинный Вальс,
Вальс, Вальс, Вальс...

Кружáтся в вальсе все, смеются,
А у старушки слёзы льются,
Ведь вальс с солдатами в окопах
Прошёл почти что пол-Европы.

И не страшны ему столетья,
И войны не страшны, пожары,
Ведь это память человечья,
И плач старушки и гитары...

Замри, мой друг, над обелиском,
Пусть тихий вальс в тебе звучит.
И, голову склонивши низко,
Ты о погибших помолчи.

1974

Белый снег

Белый снег засыпал ели,
И кустарник под горой.
Все деревья побелели,
Белизной укутав сразу
Всё, что в чёрное измазал
Первый, и неравный бой.

На высоте запорошенной,
Снежной скрытые мукой,
Спят солдаты, смертью скошенные,
Нежеланною и непрошенной,
Но несущою покой...
Спят солдаты, смертью скошенные,
Только двое, чудом выжившие,
Поседевшие, обездвиженные,
Притулились под сосной.

Белый снег... Он целый вечер
Засыпает поле брани,
Будто, за собою манит
В царство вечного покоя.
Стиснув зубы, стонут двое,
Давит белый снег на плечи,
Засыпает... Плохо дело –
Вьюга реквием пропела.
Снегом раны не залечишь.

Белым снегом запорошены,
Замороженные в дрожь,
Ранами покрыты сплошь они
Под сосну войною брошены,
Так, что сразу не найдёшь.
Смерть костлявая тут как тут уже,
Начинает пир, пир свой на меже,
Но двоих друзей, Смерть, ты не возьмёшь.

Белый снег. Пускай он падает,
Он двоих тех только радует.
На щеках снежинки тают,

Так что зря их, Смерть, высиживаешь,
Зря над ними ты витаешь.
В сердце крепнет воля к жизни,
И любовь к родной Отчизне.
Значит, эти двое выживут.

1975

* * *

Их было восемнадцать,
Им было восемнадцать,
Они стояли насмерть,
Засучив рукава.
Таков приказ был, братцы,
Пришлось им всем поклясться
Стоять, и не сдаваться,
Ведь позади Москва.

Их было восемнадцать,
Им было восемнадцать,
Не трудно догадаться –
Фашисты не прошли.
Не удалось продраться
В Москву проклятым наци...
Погибли восемнадцать,
Но танки все сожгли.

Их было восемнадцать,
Им было восемнадцать.
Им суждено остаться
Таковыми навсегда.
Лежат все восемнадцать
В тени густых акаций,
А над Москвой сияет
Победная звезда.

1978

* * *

Небо расколосось от удара,
Слух надрывной песнею сверля,
И запыхала, задрожала,
Вздыбилась натуженно земля.

В непонятно-сероватой массе
Всё смешалось в копоты огня:
Кровь, и человеческое мясо,
И кусочек самого меня...

Что с того, что я родился позже?
Что с того, что позади война?
На Смоленщине, в Литве и Польше
До сих пор земля обагрена.

Что с того, что пеплом опалённый,
Смешан с той землёй совсем не я?
До сих пор ночами плачут клёны,
И рыдает до сих пор душа моя.

1978

* * *

В глазах огонь, и ужас, и сомненье,
Винтовка со штыком наперевес,
Бежим навстречу смерти, и друг другу –
Кто выстоит?!. И никаких чудес.

Гортанный вопль германца с русским матом
В мгновенье слился разом, и... погас.
Из лопухов чумазая девчушка
Уставилась испуганно на нас.

Коротенькое платьице в заплатках,
Соломинки в нечёсанных косах,
А под глазами ясными, как небо,
Слезинок непрошенных роса.

И вдруг совсем не надо стало смерти,
И жалости комок мне горло сжал...
Оттаяло безжалостное сердце,

Забыл, зачем я на врага бежал.

Германец каску снял, вздохнул устало,
Штыком винтовку в землю вколотил.
Дрожащею рукой достал махорку,
И самокрутку молча закрутил.

Потом достал кусочек шоколада,
Девчущке, наклонившись, протянул,
Цигарку сплюнул нервно, отвернулся,
Украдкой со щеки слезу смахнул.

Куда исчез тот взгляд его суровый,
Что в дрожь меня, бегущего, бросал?
Я видел руки, руки хлебороба,
И голубые добрые глаза.

Я подошёл к нему, обнял за плечи:
Будь братом мне, товарищ, на века.
Пусть никогда, чтоб, брат мой, ни случилось,
На брата не поднимется рука».

То Первая была, но Мировая...
Ну, а за ней была ещё Вторая.
Скажи мне, брат, что сделать нам с тобой,
Чтоб Третьей не случилось Мировой?..

1979

Ханко

Памяти моряков, погибших в ВОВ

Берег туманный гол и пуст,
В небе багровая заря,
Кровью пропитан каждый куст,
Кровью пропитаны поля.
Кровью пропитан каждый куст,
Кровью пропитаны поля,
Берег – боль моя и грусть,
Берег – скорбь моя.

Место моряцкой славы,
Беспримерной морской доблести.

Где вы, Валеры, Славы?
О вашем подвиге помним мы.

Сколько мальчишек полегло?
Голос у смерти так высок –
Скалы дробились, как стекло,
Камни рассыпались в песок.
Скалы дробились, как стекло,
Камни рассыпались в песок,
Сколько лет с тех пор прошло –
Память упрямо бьёт в висок.

Ханко – символ твёрдой воли,
И негибавшего мужества советских людей.
Ханко – синоним боли
В глазах потерявших сынов матерей.
И если тот берег будем помнить всегда,
Не вернётся к нам больше беда.

1979

Вечный огонь

*Всесоюзному Походу по местам
революционной, боевой и трудовой
славы советского народа*

Не прячь, Земля сердец горячих
От глаз в объятых каменных своих.
Скажи, Земля, о ком ночами плачешь,
Ты имена Героев назови.

Вечный огонь пылает над Землёй.
Неизвестных Героев мы снова ставим в строй.
Минута молчания – Музыка стой!..
Вечная память Неизвестным героям!

Годы пройдут, пройдут столетья,
Но память будет жить в людских сердцах,
Будут помнить об этом наши дети,
Не будет этой памяти конца.

1980

* * *

Как-то вечером гитару взял, взгрустнулось,
И рука случайно струн тугих коснулась,
Вдруг душа от боли застонала,
Вспомнил вдруг, что помнила гитара.

Вспомнил дым давно утихнувших сражений,
Радость от Победы, горечь поражений...
И сквозили будто в тихом переборе
Слёзы от бывшего, от радости и горя.

Вспомнила гитара песни лет военных,
Пыльные дороги от Москвы до Вены,
О задорном парне с грустью рассказала,
Как, сражённый пулей, на траву упал он.

Вскрикнула гитара, захлебнувшись песней,
Что не смог докончить парень с Красной Пресни...
Мать родную, землю, обхватив руками,
Он застыл навеки, обратившись в камень.

Пусть гитара плачет, пусть о нём горюет,
За него сегодня песню допою я.
В комнате притихшей, еле струн касаясь,
Мы с гитарой вместе о прошлом вспоминаем.

1980

Пылали годы...

Из музыкального синтез-спектакля «Око Галактики»

Пылали годы и города,
Сердца людей пылали.
Для всех одна была беда,
А радости для всех – едва ли.
Для всех суровость бытия,
И нервы, крепче стали:
Сегодня он падёт, а завтра я,
А, может быть, кого другого свалит.
Быть может, выстою я в этот раз,
Быть может, только потеряю глаз,

Пусть будут руки целы для труда –
Всегда!

Пылали годы и города,
И лучшие из нас терялись.
Они терялись в никуда,
Но мы в строю остались.
Сплотим мы поредевший строй,
Ведь в этом наша сила.
Пылает наше знамя над Землёй,
Как символ тех, кого война скосила.
На этот раз я буду жить за них,
Чтобы огонь Победы не поник.
Пусть стороной обходит нас беда –
Всегда!

1988

Война...

Из музыкального синтез-спектакля «Око Галактики»

Война!..
Армада безумцев, слюной истекающих,
Зубами вгрызается в старую истину,
Добрую истину с жёлтыми листьями.
И надрывается хищная стая:
Война!.. Война!..
Она не оставит тебя безучастным,
Откроет калитку для смерти и голода,
Пред свистом свинца потускнеет всё золото,
И в завтра закроет дорогу несчастным.
Война!.. Война!..

Разрухе в глаза загляни,
Гляди не секунды – дни.
Эти язвы на теле времени от войны.
И если завесу поднять над войной,
Вмиг забьётся в висках тот вопрос непростой.
То ли реки краснели зорями,
То ли кровь лилась рекой.

Выбор наш невелик:
Война!.. – Покой!..

1988

* * *

Опять разрывы нам сердца буравят,
И кровь на землю проливается рекой.
Мы пьём, но к сожаленью не за здоровье,
Скрипя зубами, пьём за упокой.
Мы пьём за тех, кому не возвратиться,
Кого костлявая настигла под горой,
Пусть им спокойно на погосте спится,
А мы сомкнём свой поредевший строй.
И надо бы задуматься о вечном,
Понять, что день без искры торжества,
Что безвозвратно мы теряем в сечи,
Свои разбитые от горечи сердца.
Терзает тех, кто выбрался из ада,
Ночной переполох кошмарных снов,
Всех уцелевших ждёт одна награда,
Вины невыносимый груз оков...
Вины, что наше сердце громко бьётся,
Вины, что не смогли их уберечь,
Вины, что жить за них теперь придётся,
Что не смогли мы в битве с ними лечь.
И надо бы задуматься о вечном,
Понять, что день без искры торжества,
Что безвозвратно мы теряем в сечи
Свои разбитые от горечи сердца.
Опять разрывы нам сердца буравят,
И новые колонны рвутся в бой,
И пить нам горькую придётся не за здоровье,
Скрипя зубами, будем пить за упокой.
За тех, кому назад не возвратиться,
Кого костлявая настигла под горой,
Пусть им спокойно на погосте спится,
Пока смыкаем поредевший строй.

1999

Владимир Филиппов
СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ...
К 70-летию со Дня Великой Победы!
Рассказы и стихи

Размер: 1,57 mb; 33 стр.
Издание: Uf7AZ75HJW8783B-pdf.

Parroslab Group © 2015
All Rights Reserved